Татьяна ГРИНДЕНКО:

Музыка для меня — это не все

Уровень таланта выдающейся скрипачки Татьяны Гринденко, руководителя Ансамбля старинной музыки, ставит ее в один ряд с Гидоном Кремером, Владимиром Спиваковым, Владимиром Третьяковым. Между тем она не мелькает на телеэкране и почти не дает интервью. Тем интереснее для читателя открытие этой глубоко незаурядной натуры.

ГЕОРГИЙ ДРОНОВ

Татьяна Гринденко и Юрий Башмет

— Таня, честно сказать, я поразилась, когда услышала в первый раз, что музыка для вас — это не все. И сейчас другими словами вы сказали то же самое. Вы, скрипач, мастер, который дает людям очень глубокие чувства, относитесь к профессии, как будто это так, кое-что. Почему?

— Мне кажется, понятие профессии — очень серьезное, если к нему правильно относиться. Профессия тогда действительно нужна, когда человек ею себя оправдывает. Когда вы в ней находите что-то такое, что вас развивает как человека. Мне кажется, что многие люди моей профессии любят ее и занимаются ею, потому что это наркомания, наркоз: эти все переезды, сцены, мандраж перед сценой. Мы на сцене совершенно вырубаемся и уже не понимаем, где находимся, что и как. То есть для нас остальная жизнь полностью отступает. Поэтому для церковных людей понятие «артиста» — ужасное.

— А вы церковный человек?

— Я церковный человек. Я надеюсь на это. Может быть, плохой, но все-таки церковный. И вот эта жуткая вещь, когда человек постоянно вместо настоящей жизни имеет суррогат, иллюзию жизни. А у нас еще иллюзия творчества. Я играю музыку людей, которых давно нет, а делаю вид, что это я ее сочинила, играю наизусть. Какая-то, грубо говоря, фальшь.

— Вы внутренне чувствуете глубокое противоречие?

— Да, мне кажется, оно есть у каждого человека и в профессии практически любой. Даже в медицине, которая связана с реальностью, то есть с жизнью и смертью, и там иллюзии. Если ваша профессия вообще вам никаких путей к правде не дает, вы должны ее бросить. Я не хочу навязывать возврат к правде всем. Это не моя функция. Но для себя я этот вопрос поставила. И, думаю, те, кто со мной сотрудничает, общается, знают, что со мной достаточно тяжело. Моя профессия очень фальшивая. Фальшивая потому, что если делать все взаправду, то вообще не надо выходить на сцену. Здесь есть моменты такой сложности, которые я, как могу, пытаюсь уравновесить. И мне это удалось, когда я стала заниматься аутентикой. Аутентика — означает подлинный. Когда я начала заниматься аутентикой, то выяснилось, что аутентика не только в старинной музыке, аутентика — в современной музыке, в авангарде, в романтизме. То есть везде существует своя правда. И если ты честный человек, значит, узнавая эту правду, ты уже не можешь идти назад.

— Вы знаете, что такое слово «подлинный» по Далю?

— Нет, по Далю не знаю.

— «Линь» — это пыточная веревка. И «подлинное» — когда человек говорил правду под пыткой. То есть «под линем». Я хочу сказать, что всякая вещь имеет свою оборотную сторону. И в этом максимализме, когда вы хотите дойти до конца... А в конце, может быть, дьявол?..

— Если «подлинное» по Далю... может быть, это и есть то, ради чего стоит жить. А вы хотите что, широким путем войти? Узкий путь существует, только один узкий путь.

— Входите узкими вратами...

— Да, под линем, в принципе это оно и есть. Это очень хорошо, я очень рада, спасибо.

— Таня, вы начинали как авангардист, вы даже, по-моему, играли в джазе?

— Нет. Я в джазе не играла, я играла в одной из первых, так скажем, экспериментальных рок-групп. Я занималась авангардной музыкой, желая найти какую-то правду. И мы невольно оказывались в ситуации правды. Мы не играли чью-то музыку, мы играли свою.

— Когда вас подвергли остракизму, поставили в сложное положение, когда ваш муж Гидон Кремер уехал, а вы остались здесь, как диссидент в музыке, и вас отлучили на десять лет если не от сцены, то, во всяком случае, ваше имя официально не упоминалось, вы еще более глубоко ушли в церковь, вы были певчей, да? Это время сказалось каким-то образом на вашем формировании?

— Вы знаете, вообще как человек я только сейчас начинаю развиваться. А тогда... Как ни странно, эти десять лет, которые я просидела в стране и была как бы вне официальной культурной жизни... наоборот, мне было очень весело тогда. Я отвечаю за это слово «весело», потому что ясность бесперспективности моей карьерной жизни — уже одно это меня колоссально освободило. Бояться больше мне было нечего. Я делала, что хотела. Был момент, когда я даже пыталась устроиться в таксопарк, чтобы заработать хоть какие-то деньги. Но вместе с тем я именно в это время смогла заниматься старинной музыкой, авангардной музыкой, именно в это время я много пела в храмах, не только в своем Знамении Божьей Матери. И вообще вела прекрасную и совершенно свободную жизнь.

— Композитор Владимир Мартынов в это время в вашу жизнь вошел?

— Немножко раньше. Мы женаты больше двадцати лет. И я думаю, что он вошел в мою жизнь именно по принципу подлинности. Это, на мой взгляд, человек, который пытается найти подлинное и живет этим.

— Вы друг другу как-то помогаете?

— В общем-то, помогаем, но не прямо. Потому что прямо я абсолютно не касаюсь его дел. Это мне очень интересно, но я просто не хочу этого касаться. А он, в свою очередь, фактически не касается моих.

— Вы уважаете особость друг друга?

— Я знаю, что если у человека есть настоящая внутренняя жизнь, то в нее не должен никто входить. Если ему надо, он сам открывается. Очень многие жены считают нужным вмешиваться в жизнь мужей. Мне кажется, это колоссальная ошибка. Здесь кончаются всякие настоящие семейные отношения. Когда жена или муж мешают развиваться другому, это, по-моему, самое страшное, что может быть. Это как раз и есть отсутствие любви. Я себя чувствую по отношению к нему настоящей женой. Было у нас время, он много делал киномузыки и зарабатывал колоссальные деньги, а потом ушел в Троице-Сергиеву лавру, в академию духовную, в семинарию, и стал получать 140 рублей в месяц. Ну и прекрасно. Хотя у нас кончились мгновенно все деньги. Но это так, как ему нужно, это его путь. И я как жена абсолютно его поддерживаю.

— Таня, я хочу перейти к тому, что меня жгучим образом интересует. В Москве среди людей, которые вас знают, существует как формула: Таня гоняет по Москве. Когда я первый раз услышала об этом и когда с вами познакомилась, эти два образа — скрипачки, артистки и водителя, который лихачит и бог знает что умеет за рулем, — они совершенно не сходились...

— Вы сказали слово «артистка». Я терпеть не могу это слово, хотя, к сожалению, меня так можно назвать...

— Я знаю, что вы терпеть не можете.

— Поэтому вы меня так оскорбляете? (*Смеется.*)

— Это просто тот *линь*, который я употребляю, чтобы выявить ситуацию. Вы мне однажды сказали: Оля, это артистизм. И это запало в мою голову именно как укор. Почему такая беда — артистизм?

— Ну вы знаете, артист — это тот, кто притворяется. То есть он в жизни такой, а на сцене играет другого человека. Такая как бы узаконенная иллюзия. И вам даже за эту иллюзию платят деньги. Так вот получается, что наш весь комплекс жизни — сплошные иллюзии. Я не гоняю по Москве. Я совершенно случайно, ну, может быть, не случайно, нашла человека, который меня однажды прокатил на машине по-настоящему...

— Это когда Мартынов попал в аварию?

— Да. И причем так попал, что десять дней в реанимации мне говорили: приготовьтесь ко всему. То есть все могло кончиться каждый день. Я надеялась, что он выживет, и он выжил и, слава богу, все нормально кончилось. Но чтобы у него не было комплекса, я решила найти человека, который его научит ездить, как я езжу. И я нашла человека, который мне просто показал, как он ездит. И тогда я поняла, что это самообман, что я якобы хорошо езжу, потому что у меня не было 20 лет никаких аварий, а на самом деле я, в общем, автомобильное ничтожество, понимаете? Меня это настолько поразило, что я решила сама у него учиться. Этот человек оказался тоже искателем подлинности и в каком-то смысле сам — подлинным человеком. Человеком, которому бесконечно, как мне кажется, тяжело жить. Я несусь 200 километров в час, это реальная скорость, и мне показалось, что вот уклон такой — вот и все. Понимаете, здесь нет возможности, чтобы тебе что-то показалось. Значит, это правда. Значит, я этим буду заниматься.

— Таня, а что вы чувствуете, когда несетесь на скорости 200 километров и знаете, что все правда?

— Если я сейчас буду описывать, это будет артистизм. Я считаю, что по-настоящему владеть машиной — колоссальное искусство. Не просто ездить по городу, а владеть инструментом, владеть звуком, владеть скоростью, владеть этими силами, которые двигают машину. Владеть силами, которые двигают мир. Ну, не владеть — это неправильное слово, это слишком громко сказано. Хотя бы иметь о них понятие и в какой-то степени вписаться в эти силы. Возвращаясь к началу разговора, это и есть аутентика. То есть подлинное. А всем, что подлинно, заниматься мучительно и сложно. И очень опасно.

— Вы освобождаетесь от иллюзий и таким образом освобождаетесь от ложных связей. Вы можете казаться недоброй или быть недоброй. Но вы знаете, что надо так, а не иначе. В этом роде?

— И в этом тоже. И потом существует еще такая неприятная вещь, как друзья. Всем известно выражение: Господи, спаси меня от друзей, от врагов я защищусь сам. Друзья — они, конечно, всегда очень душевные, но это колоссальные гири на ногах у многих людей. Друзья и близкие. Это кажется жестоким, но это действительно так. То, что вы накопили с таким трудом, вы иногда можете потерять за одну секунду общения с вашим другом. И еще есть: спасись сам, и вокруг тебя спасутся тысячи. Понимаете, чем я, слабый, ничтожный человек, артистка, могу помочь вам? Во мне самой нет силы. Я, слабый человек, буду утешать вас, слабого человека, и вот мы вдвоем будем с вами сюсюкать за чайком. Это все, как говорится, по нулям. Вы можете получить помощь от настоящего человека, в ком есть сила. Откуда я ее возьму? Я счастливый человек, я знала в жизни настоящих старцев. Настоящих старцев очень мало. Эти люди, я думаю, до конца своей жизни считали, что они себя еще не сделали. Однако от них исходил свет, который давал всем силы. Вот был один старец, который, мне казалось, — сама любовь. Он со мной всегда так общался, как будто не я к нему пришла исповедоваться, а он мне исповедуется. Все мне рассказывает о своей жизни, и угощает всегда, и благословляет. И однажды вдруг оставил у себя в келье, говорит: посиди. Пришли к нему две женщины, пожилые. От одной ушел муж. В ее возрасте это была настоящая катастрофа. И он ее высек. Не просто отругал, а высек словами. Я думала: как же так, ее бы утешить, а он...

— Таня, вы в работе требовательны или в жизни? Я имею в виду ваш Ансамбль старинной музыки.

— Я считаю, что мой ансамбль — просто собрание уникальных людей. Ну, может быть, не уникальных по своим человеческим достоинствам, но уникальных по тому, что они смогли понять и принять, несмотря на всю сложность, вот эту идею подлинности. И несмотря на то что есть тысячи других возможностей получить гораздо более выгодные, денежные места, они остаются со мной. Мне кажется, что этот момент подлинности, правды, он тоже людей меняет, и надо быть уже отпетым негодяем, чтобы все равно пойти за деньги говорить неправду... Я никакой не духовный лидер, ни в коем случае. Просто это люди, которые, слава богу, мне верят. Я не знаю, сколько мне жить. В этом плане я ценю феноменально свое время. И это тоже цена попытки найти подлинность.

— Напоследок — об аутентике.

— Понимаете, раньше композитор и исполнитель были два человека в одном лице. И потому ноты писались так, что предполагали импровизацию. Но уже романтики как бы перестали доверять исполнителям и стали фиксировать точно текст. И вот здесь пришел конец настоящему творческому исполнительству. Исполнитель получил возможность иллюзии, что как бы он сам написал это сочинение и как бы самовыражается. Это то, против чего мне хотелось бы бороться. Потому что исполнитель в этом понимании — это артист, который выдает чужое за свое. А исполнитель в том понимании, в каком он был раньше, и есть творец. Существуют правила чтения нот. В эти правила входит обязательно школа импровизации. То есть исполнитель старого времени был на несколько порядков образованнее и искуснее, чем исполнитель нашего времени. А люди, которые выступают против меня, против аутентики, говорят, что сейчас другое время, время скоростных машин, самолетов, и играть так уже не надо, мы, дескать, умнее и прогрессивнее.

— Интересно, что вы через импровизацию возвращаетесь к правилу, через свободу — к закону.

— Безусловно. Настоящий закон и дает свободу. В этом-то все и дело.

В январе 1998 года Татьяна Гринденко попала в аварию. Сломала два ребра. Некоторое время не могла взять в руки скрипку. Потом взяла. И продолжает с успехом концертировать дома и за границей.

Ольга КУЧКИНА